Леонид Ильич

БРЕЖНЕВ

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕЛИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга «Малая земля» полковника и начальника политотдела 12-й армии Леонида Ильича Брежнева посвящена его воспоминаниям о Великой Отечественной войне.

- Леонид Ильич Брежнев
  - – 1 -
  - – 2 -
  - – 3 -
  - – 4 -
  - – 5 -
  - – 6 -
  - – 7 -
  - – 8 -
- notes
  -

Леонид Ильич Брежнев
Малая Земля

– 1 -

Дневников на войне я не вел. Но 1418 огненных дней и ночей не забыты. И были эпизоды, встречи, сражения, были такие минуты, которые, как и у всех фронтовиков, никогда не изгладятся из моей памяти.

Сегодня мне хочется рассказать о сравнительно небольшом участке войны, который солдаты и моряки назвали Малой землей. Она действительно «малая» – меньше тридцати квадратных километров. И она великая, как может стать великой даже пядь земли, когда она полита кровью беззаветных героев. Чтобы читатель оценил обстановку, скажу, что в дни десанта каждый, кто пересек бухту и прошел на Малую землю, получал орден. Я не помню переправы, когда бы фашисты не убивали, не топили сотни наших людей. И все равно на вырванном у врага плацдарме постоянно находилось 12-15 тысяч советских воинов, 17 апреля 1943 года мне надо было в очередной раз попасть на Малую землю. Число запомнил хорошо, да и ни один малоземелец, думаю, не забудет его: в тот день гитлеровцы начали операцию «Нептун». Само название говорило об их планах – сбросить нас в море. По данным разведки мы знали об этом. Знали, что наступление они готовят не обычное, а решающее, генеральное.

И мое место было там, на передовой, в предместье Новороссийска, мысом входившем в Цемесскую бухту, на узком плацдарме Малой земли.

Как раз в апреле я был назначен начальником политотдела 18-й армии. Учитывая предстоящие бои, ее преобразовали в десантную, усилили двумя стрелковыми корпусами, двумя дивизиями, несколькими полками, танковой бригадой, подчинили ей в оперативном отношении Новороссийскую военно-морскую базу Черноморского флота.

На войне не выбираешь, где воевать, но, должен признаться, назначение меня обрадовало. 18-ю все время бросали на трудные участки, приходилось уделять ей особое внимание, и я там, как говорится, дневал и ночевал. С командующим К. Н. Леселидзе и членом Военного совета С. Е. Колониным давно нашел общий язык. Так что перевод в эту армию из политуправления фронта лишь узаконил фактическое положение дел.

Переправы мы осуществляли только ночью. Когда я приехал на Городскую пристань Геленджика, или, как ее еще называли, Осводовскую, у причалов не было свободного места, теснились суда разных типов, люди и грузы находились уже на борту. Я

поднялся на сейнер «Рица». Это была старая посудина, навсегда пропахшая рыбой, скрипели ступеньки, ободраны были борта и планширь, изрешечена шрамами от осколков и пуль палуба. Должно быть, немало послужила она до войны, несладко приходилось ей и сейчас.

С моря дул свежий ветер, было зябко. На юге вообще холод переносится тяжелее, чем на севере. Почему – объяснить не берусь, но это так. Сейнер обживался на глазах. В разных местах на разных уровнях бойцы устанавливали пулеметы и противотанковые ружья. Каждый искал себе закуток поуютнее, пусть хоть тонкой дощатой перегородкой, но закрытый со стороны моря. Вскоре поднялся на борт военный лоцман, и все пришло в движение.

Как-то странно это выглядело, будто толпой повалили на рейд. Но так было в первые минуты. Каждое судно точно знало свое место. «Рица» шла первой, за ней пыхтели, как мы называли их, мотоботы – э 7 и э 9. Сейнер взял их на буксир, остальные суда вытянулись в караван с расстоянием 400-500 метров друг от друга, и мы взяли курс на Малую землю. Шли под охраной «морских охотников».

За три часа хода я думал побеседовать с бойцами пополнения, хотел лучше узнать людей. Общей беседы не вышло. Десантники уже заняли на палубе свои места, и не хотелось их поднимать. Решил пройти от группы к группе. Кому-то задавал вопросы, с кем-то перебрасывался большей частью репликами, присаживался к бойцам для разговора. Убедился, что народ в основном обстрелянный, настроение боевое. Я хорошо знал, что нужен разговор с солдатами, но я знал и другое: иной раз важнее бесед было для солдат сознание, что политработник, политический руководитель, идет вместе с ними, претерпевает те же тяготы и опасности, что и они. И это было тем важней, чем острее складывалась боевая обстановка.

Далеко впереди, над Новороссийском, светило зарево. Доносились гулкие удары артиллерии, это было уже привычно. Значительно левее нас шел морской бой. Как мне сказали позже, это сошлись наши и немецкие торпедные катера. Я стоял на правом открытом крыле ходового мостика рядом с лоцманом: фамилия его, кажется, была Соколов.

– Бойцы,– рассказывал он,– идут в десант один раз, а катерники каждую ночь. И каждая ночь – это бой. Привыкли. Мы, лоцманы, чувствуем особую ответственность за всех. По существу, часто приходится, как говорится, на ощупь вести суда. На земле саперы разведают минное поле, сделают в нем проходы и уверенно ведут за собой людей. А наш путь немцы все время

минируют заново – и с самолетов, и с судов. Где вчера прошел спокойно, там сегодня можно напороться на мину.

Чем ближе подходили к Цемесской бухте, тем сильнее нарастал грохот боя. Ночью плацдарм не часто бомбили, а тут волнами со стороны моря накатывали вражеские бомбардировщики, гул их заглушался грохотом взрывов, и от этого казалось, что самолеты подкрадываются бесшумно. Они пикировали и тут же, разворачиваясь, уходили в сторону. Люди у нас подтянулись, суровее стали лица бойцов, вскоре мы и сами оказались на свету.

Ночная тьма во время переправ была вообще понятием относительным. Светили с берега немецкие прожекторы, почти непрерывно висели над головой «фонари» – осветительные ракеты, сбрасываемые с самолетов. Откуда-то справа вырвались два вражеских торпедных катера, их встретили сильным огнем наши «морские охотники». Вдобавок ко всему фашистская авиация бомбила подходы к берегу.

То далеко от нас, то ближе падали бомбы, поднимая огромные массы воды, и она, подсвеченная прожекторами и разноцветными огнями трассирующих нуль, сверкала всеми цветами радуги. В любую минуту мы ожидали удара и, тем не менее, удар оказался неожиданным. Я даже не сразу понял, что произошло. Впереди громыхнуло, поднялся столб пламени, впечатление было, что разорвалось судно. Так оно в сущности и было: наш сейнер напоролся на мину. Мы с лоцманом стояли рядом, вместе нас взрывом швырнуло вверх.

Я не почувствовал боли. О гибели не думал, это точно. Зрелище смерти во всех ее обличьях было уже мне не в новинку, и хотя привыкнуть к нему нормальный человек не может, война заставляет постоянно учитывать такую возможность и для себя. Иногда пишут, что человек вспоминает при этом своих близких, что вся жизнь проносится перед его мысленным взором и что-то главное он успевает понять о себе. Возможно, так и бывает, но у меня в тот момент промелькнула одна мысль: только бы не упасть обратно на палубу.

Упал, к счастью, в воду, довольно далеко от сейнера. Вынырнув, увидел, что он уже погружается. Часть людей выбросило, как и меня, взрывом, другие прыгали за борт сами. Плавал я с мальчишеских лет хорошо, все-таки рос на Днепре, и в воде держался уверенно. Отдышался, огляделся и увидел, что оба мотобота, отдав буксиры, медленно подрабатывают к нам винтами.

Я оказался у бота э 9, подплыл к нему и лоцман Соколов. Держась рукой за привальный брус, мы помогали взбираться на

борт тем, кто под грузом боеприпасов на плечах с трудом удерживался на воде. С бота их втаскивали наверх. И ни один, по-моему, оружия не бросил.

Прожекторы уже нащупали нас, вцепились намертво, и из района Широкой балки западнее Мысхако начала бить артиллерия. Били неточно, но от взрывов бот бросало из стороны в сторону. Грохот не утихал, а снаряды вокруг неожиданно перестали рваться. Должно быть, наши пушки ударили по батареям противника. И в этом шуме я услышал злой окрик:

– Ты что, оглох? Руку давай!

Это кричал на меня, протягивая руку, как потом выяснилось, старшина второй статьи Зимода. Не видел он в воде погон, да и не важно это было в такой момент. Десантные мотоботы, как известно, имеют малую осадку и низко сидят над водой. Ухватившись за брус, я рванулся наверх, и сильные руки подхватили меня.

Тут только почувствовал озноб: апрель даже на Черном море не самое подходящее время для купания. Сейнера уже не было. Бойцы выжимали одежду и негромко ругались: «Чертов фриц, проклятый!» Постепенно все поутихли, устраиваясь за ящиками и тюками. Ложились согнувшись или ничком, будто это могло спасти. А ведь главное было впереди. Главное – бой, куда вступить нам предстояло сейчас же.

И вдруг в этой трагической обстановке, при свете взрывов и огненных трасс родилась песня. Пел один из матросов, помнится, очень большого роста; это была песня, рожденная на Малой земле, в ней говорилось о несгибаемой воле и силе таких вот бойцов, какие были сейчас на боте. Я знал эту песню, но теперь мне кажется, что именно тогда впервые ее услышал. Врезалась в память строка: «На тех деревянных скорлупках железные плавают люди».

Медленно стали приподниматься головы, лежавшие садились, сидевшие вставали, и вот уже кто-то начал подпевать. Никогда не забуду этот момент: песня распрямила людей. Несмотря на только что пережитое, все почувствовали себя увереннее, обрели боевую форму.

Вскоре бот зашуршал по дну, и мы начали прыгать на берег. Резко зазвучали команды, бойцы сгружали ящики с боеприпасами, другие подхватывали их на плечи и бегом – тут подгонять не надо, огонь торопит – несли к укрытиям. Свалив груз, тотчас бежали обратно, все это под обстрелом, под грохот непрекращавшейся бомбежки. А с берега уже несли на носилках раненых, приготовленных к эвакуации, которых наше пополнение должно было сменить.

Пологая прибрежная полоса была покрыта галькой, дальше вздымалась круча, изрытая нишами. К ним-то и надо было проскочить, чтобы укрыться от огня, а затем, забравшись еще десятка на полтора метров вверх, прыгнуть в траншею, ведущую в глубь Малой земли, И хотя, повторяю, главное было еще впереди, тут уж люди чувствовали себя спокойно. По ходам сообщения отсюда можно было пробраться к любой воюющей на плацдарме части, едва ли не к любому подразделению.

Переправы всегда были опасны, само плавание не обходилось без риска, и выгрузка, и перебежка, и подъем покруче, но всякий раз, прибывая на Малую землю, я возвращался к мысли: а как же высаживались здесь наши люди, когда на месте нынешних спасительных укрытий стояли немецкие пулеметы, а по ходам сообщения бежали невидимые десантникам гитлеровцы с автоматами и гранатами? У каждого, кто вспоминал, что тем, первым, было намного труднее, наверняка прибавлялось сил.

Все же, как известно, мы удерживали Малую землю ровно столько, сколько требовалось по планам советского командования, – 225 дней. Как мы их тогда прожили – я и хочу рассказать.

– 2 -

Нам война была не нужна. Но когда она началась, великий советский народ мужественно вступил в смертельную схватку с агрессорами.

Помню, в 1940 году Днепропетровский обком партии собирал совещание лекторов. Я тогда уделял особое внимание военно-патриотической пропаганде, о чем и шел у нас разговор. А был, как известно, заключен договор о ненападении с Германией, в газетах публиковались снимки встреч Молотова с Гитлером, Риббентропа со Сталиным, договор обеспечивал нам необходимую передышку, давал время для укрепления обороноспособности страны, но не все это понимали. И вот, как сейчас вижу, встал один из участников совещания, хороший лектор по фамилии Сахно, и спросил:

– Товарищ Брежнев, мы должны разъяснять о ненападении, что это всерьез, а кто не верит, тот ведет провокационные разговоры. Но народ-то мало верит. Как же нам быть? Разъяснять или не разъяснять?

Время было достаточно сложное, в зале сидело четыре сотни человек, все ждали моего ответа, а раздумывать долго возможности не было.

– Обязательно разъяснять, – сказал я. – До тех пор, товарищи, будем разъяснять, пока от фашистской Германии не останется камня на камне!

В ту пору я был секретарем Днепропетровского обкома по оборонной промышленности. И если кто и мог позволить себе благодушие, то я каждодневно должен был думать о том, что нам предстоит. На мою долю выпало немало важных и срочных дел по организации и координации такого мощного комплекса обороны, каким был в то время юг Украины, и в частности Приднепровье.

Заводы, изготовлявшие сугубо мирную продукцию, переходили на военные рельсы, наши металлурги осваивали специальные марки стали, мне приходилось связываться с наркоматами, вылетать в Москву, бесконечно ездить по области. Выходных мы не знали, в семье я бывал урывками, помню, что и в ночь на 22 июня 1941 года допоздна засиделся в обкоме, а потом еще выехал на военный аэродром, который мы строили под Днепропетровском. Этот стратегически важный объект был на контроле в ЦК, работы шли днем и ночью, только под утро я смог вернуться со строительной площадки.

Подъехав к дому, увидел, что у подъезда стоит машина К. С. Грушевого, который замещал в то время первого секретаря

обкома. Я сразу понял: что-то случилось. Горел свет в его окнах, и это было дико в свете занимавшейся зари. Он выглянул, сделал мне знак подняться, и я, еще идя по лестнице, почувствовал что-то неладное и все-таки вздрогнул, услышав: «Война!» Вот в эту минуту, как коммунист, я твердо и бесповоротно решил, где не надлежит быть. Обратился в ЦК с просьбой направить меня на фронт – и в тот же день моя просьба была удовлетворена: меня направили в распоряжение штаба Южного фронта.

Я благодарен Центральному Комитету нашей партии за то, что одобрено было мое стремление быть в действующей армии с первых дней войны. Благодарен за то, что в 1943 году, когда часть нашей территории была освобождена, посчитались с просьбой – не отзывать меня в числе партийных работников-фронтовиков, направляемых на руководящую работу в тыл. Благодарен и за то, что в 1944 году была удовлетворена просьба не назначать на более высокий пост, который отдалил бы меня от непосредственных боевых действий, а оставить до конца войны в 18-й десантной армии. Мной руководило одно чувство – защитить нашу землю, бить врага везде и повсюду, дойти до конца, до полной победы. Только так можно было вернуть мир на земле.

С 18-й армией связана моя фронтовая жизнь, и она навсегда сделалась для меня родной. В рядах 18-й я сражался в горах Кавказа в момент, когда там решались судьбы Родины, воевал на полях Украины, одолевал карпатские хребты, участвовал в освобождении Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии. С этой армией был и на Малой земле, роль которой в освобождении Новороссийска и всего Таманского полуострова значительна.

Бывает, попадет человек в такие обстоятельства, когда за год увидит, узнает, прочувствует столько, чего в иное время не вместит и целая жизнь. Насыщенность событий на этом плацдарме была так велика, а бои столь жестоки и непрерывны, что, казалось, шли они не 225 дней, а целую вечность. И это все мы пережили.

В географическом смысле Малая земля не существует. Чтобы понять дальнейшее, надо ясно представить себе этот каменистый клочок суши, прижатый к воде. Протяженность его по фронту была шесть километров, глубина – всего четыре с половиной километра, и эту землю во что бы то ни стало мы должны были удержать.

Как появился плацдарм? Новороссийск расположен на берегах Цемесской бухты, которая глубоко врезается в горы. Там два цементных завода – «Пролетарий» и «Октябрь». С одной стороны были мы, а с другой – немцы. К началу 1943 года левый берег весь был у противника, с высот он контролировал движение

нашего флота, и надо было этого преимущества его лишить. Вот и родилась мысль: давайте попробуем высадить десант и захватить предместье Новороссийска. Это не только надежнее прикрывало бы бухту от проникновения врага в ее воды, но и облегчило бы нам все последующие бои.

Гитлеровцы хорошо это понимали. Цифрами я постараюсь не злоупотреблять, но одну сейчас приведу. По плацдарму, когда мы заняли его, фашисты били беспрерывно, обрушили гигантское количество снарядов и бомб, не говоря уж об автоматно-пулеметном огне. И подсчитано, что этого смертоносного металла на каждого защитника Малой земли приходилось по 1250 килограммов.

На плацдарме сражалось почти две трети 18-й десантной армии, и большую часть своего времени я проводил на Малой земле. Так что и на мою долю из тех килограммов смертоносного металла тоже кое-что предназначалось.

Думается, что десант на Малую землю и бои на ней могут служить образцом военного искусства. Мы тщательно подбирали людей, специально готовили их. На Тонком мысу в Геленджике тренировали штурмовые группы, учили их прыгать в воду с пулеметами, взбираться по скалам, бросать гранаты из неудобных положений. Бойцы освоили все виды трофейного оружия, научились метать ножи и бить прикладами, перевязывать раны и останавливать кровь. Запоминали условные сигналы, наловчились с завязанными глазами заряжать диски автоматов, по звуку выстрелов определять, откуда ведется огонь. Без этой выучки дерзкий десант и особенно самая первая ночная схватка были немыслимы – все предстояло делать в темноте, на ощупь.

В первую группу, названную отрядом особого назначения, брали только добровольцев. И только таких, кто уже проявил героизм. Командиром десанта назначили майора Ц. Л. Куникова. На этого умного и сильного человека я обратил внимание еще в предыдущих сражениях, когда он командовал батальоном морской пехоты. Заместителем по политчасти шел старший лейтенант Н. В. Старшинов, а начальником штаба – майор Ф. Е. Котанов, тоже хорошо показавшие себя в боевых делах. Все трое получили впоследствии звание Героя Советского Союза. Куников – посмертно (он был смертельно ранен 12 февраля 1943 года), а Старшинов и Котанов – в боях, которые были уже после Малой земли.

При формировании отряда им предоставили право отбирать людей из любых частей Новороссийской военно-морской базы. Право, конечно, исключительное, но продиктованное необходимостью. Мы понимали, что в таком десанте слишком

велика роль буквально каждого бойца. Так собрано было пять штурмовых групп, объединенных в отряд численностью в 250 человек. В тяжелейшем испытании им предстояло быть впереди, и они выполнили свой долг.

В 1974 году в Новороссийском музее я обратил внимание на примечательный документ. Это был рапорт старшего лейтенанта В. А. Ботылева, высадившегося на плацдарме в ту же ночь, что и Куников. Он писал: «Доношу, что в первой штурмовой группе убитых – 1 человек, раненых – 7 человек. Из них кандидатов ВКП (б) убитых – 1 человек, кандидатов ВКП (б) раненых – 4 человека, комсомольцев раненых – 2 человека, беспартийных раненых – 1 человек. Первая боевая задача, поставленная командованием, выполнена. Политико-моральное состояние группы высокое».

Здесь уместно будет вспомнить, что на фронтах Великой Отечественной войны пали смертью храбрых три миллиона коммунистов. И пять миллионов советских патриотов пополнили ряды партии в годы войны. «Хочу идти в бой коммунистом!» – эти ставшие легендарными слова я слышал едва ли не перед каждым сражением, и тем чаще, чем тяжелее были бои. Какие льготы мог получить человек, какие права могла предоставить ему партия накануне смертельной схватки? Только одну привилегию, только одно право, только одну обязанность – первым подняться в атаку, первым рвануться навстречу огню.

Перед высадкой отряд принял клятву. Коммунист Куников построил всех на небольшой площади, еще раз напомнил, что операция будет смертельно опасная, и предупредил: кто считает, что не выдержит испытаний, может в десант не идти. Он не подал команды, чтобы эти люди сделали, скажем, три шага вперед. Щадя их самолюбие, сказал:

– Ровно через десять минут прошу снова построиться. Тем, кто не уверен в себе, в строй не становиться. Они будут отправлены в свои части как прошедшие курс учебы.

Когда отряд построился, мы недосчитались всего лишь двух человек.

Торжественную клятву, принятую перед выходом в море, и сейчас, спустя десятилетия, нельзя читать без волнения. «Идя в бой, – говорилось в ней, – мы даем клятву Родине в том, что будем действовать стремительно и смело, не щадя своей жизни ради победы над врагом. Волю свою, силы свои и кровь свою капля за каплей мы отдадим за счастье нашего народа, за тебя, горячо любимая Родина… Нашим законом есть и будет только движение вперед».

Мысленно возвращаясь к тем штормовым дням, вспоминая суровую клятву, я всегда испытываю душевное волнение и

гордость. История знает немало героических подвигов одиночек, но только в нашей великой стране, только ведомые нашей великой партией, советские люди доказали, что они способны на массовый героизм.

– 3 -

Итак, наступила ночь высадки десанта. Хорошо помню настроение, царившее на пристани. Я не видел ни одного хмурого лица, лица были скорее веселые, на них читалось нетерпение. Моряки бегом таскали ящики и кричали: «Полундра!» Я, помню, спросил у одного:

– Что такое полундра?

Оказалось, «берегись». Так я узнал значение этого слова.

Ночь с 3 на 4 февраля 1943 года была очень темная. Тихо вышли катера с десантниками из Геленджика к Цемесской бухте. Оттуда, из пункта развертывания, они по сигнальным ракетам устремились к берегу. Одновременно по береговой полосе, заранее пристрелянной, ударила наша артиллерия. В грохот взрывов ворвались огненные залпы «катюши» (впервые в практике войны на тральщике «Скумбрия» была смонтирована реактивная установка). Два торпедных катера на большой скорости пересекли путь десантным судам, оставляя дымовую завесу, чтобы скрыть их от огня с берега. Сторожевой катер ударил по району рыбозавода, подавляя огневые точки противника, оставшиеся после артналета. В момент, когда куниковцы бросились на берег, наши батареи перенесли огонь в глубину.

На войне не все идет по плану. Часто бои разворачиваются не совсем так, а иногда и совсем не так, как рисовалось на штабных картах. И тогда поистине бесценны становятся отвага, преданность, инициатива каждого командира и политработника, каждого солдата и матроса. Военные историки знают, что была попытка захватить плацдарм и в другом месте – за тридцать километров отсюда, в районе Южной Озерейки. Собственно, основной десант и намечался там, но помешал шторм, задержавший выход судов, позже прибыли на исходные рубежи и сухопутные части. А прорыв куниковцев, неожиданный для врага, увенчался полным успехом, чем мы мгновенно и воспользовались.

Демонстративный десант был превращен во вспомогательный, а затем стал основным. С него и началась эпопея Малой земли. Пробившись сквозь огневую завесу, наш штурмовой отряд успел занять совсем еще небольшой, но очень важный участок берега в районе предместья Новороссийска – Станички. Уничтожено было около тысячи фашистов, отбито четыре трофейных орудия, которые тотчас открыли огонь по врагу. Спустя полтора часа здесь высадилась вторая группа десантников, затем еще одна, число их выросло уже до 800 человек.

К месту высадки противник перебросил новые части, вела бомбежки фашистская авиация, начала бить по плацдарму тяжелая артиллерия, одна за другой шли отчаянные контратаки. Но было уже поздно: десантники успели надежно закрепиться. Они овладели несколькими кварталами Станички и железной дорогой на протяжении трех километров. И хотя потери понесли немалые, но не отошли ни на шаг. Солдаты и матросы верны были клятве, они знали, что надо продержаться до подхода главных сил. В них ощущался еще веселый азарт от удачного десанта – такими я запомнил этих людей.

За несколько ночей на плацдарме высадились две бригады морской пехоты, стрелковая бригада, истребительно-противотанковый полк и другие части. На берег были выгружены сотни тонн боеприпасов и продовольствия. Спустя пять дней в районе Станички и Мысхако уже находилось 17 тысяч бойцов с автоматами, минометами, орудиями, противотанковыми пушками. Затем на Малую землю высадилось пять партизанских отрядов – «За Родину», «Гроза», «Норд-ост», «Новый» и «Ястребок».

Пользуясь случаем, хочу сказать доброе слово о партизанах. Если у кого-либо есть представление о них как о неких обособленных группах в тылу врага, то это представление ошибочно. Многие отряды возникали стихийно, но они имели руководимый партией Центральный штаб и, бывало, проводили крупные операции в полном соответствии с замыслами командования регулярных частей. Так было и на Малой земле, где всеми пятью отрядами руководил секретарь Новороссийского горкома партии П. И. Васев, тесно связанный с нашим штабом.

А в общем, повторю еще раз, десант на Малую землю может быть признан образцом военного искусства. Успех высадки первого штурмового отряда, оперативное наращивание сил, продвижение полков и корпусов по сильно укрепленному, минированному берегу – все это требовало четкого взаимодействия пехоты, саперных частей, моряков, артиллеристов. Ни малейшей ошибки не могли допустить «боги войны»: во многих местах наши части сошлись с вражескими чуть ли не до расстояния броска гранаты. Еще сложнее было летчикам. Помню, перед налетами нашей авиации бойцы выкладывали на бруствер окопов нижние рубахи, чтобы очертить свой передний край.

Надо сказать, мы находились в крайне невыгодном географическом положении. У нас была узкая полоска берега – длинная, голая и ровная, а у немцев – все высоты, лес. Может возникнуть вопрос: как же могли остаться в живых люди, если на них обрушивались сотни тонн смертоносного металла, если силы

противника во много раз превышали наши, если с окружающих гор враг видел Малую землю как на ладони? Всему этому противостояли опыт, хладнокровие, расчет и каждодневный труд.

В ту пору я хорошо понял, что война – это, кроме всего, еще и исполинский труд. Труд вчерашних металлургов, слесарей, шахтеров, землепашцев, комбайнеров, конюхов, строителей, плотников. Труд народа, надевшего солдатскую шинель. Проявления не только преданности и отваги, но и великой выдержки, упорства, умения, сноровки.

По сути, вся Малая земля превратилась в подземную крепость. 230 надежно укрытых наблюдательных пунктов стали ее глазами, 500 огневых укрытий – ее бронированными кулаками, отрыты были десятки километров ходов сообщения, тысячи стрелковых ячеек, окопов, щелей. Нужда заставляла пробивать штольни в скальном грунте, строить подземные склады боеприпасов, подземные госпитали, подземную электростанцию. Нужда заставляла ходить только по траншеям, это нелегко, но чуть высунешься – и конец. Все сидели подолгу, и потом, когда фашисты стали отступать, у некоторых бойцов появилась, как мы называли ее, «сидячая болезнь».

Инженерные войска проявляли удивительную изобретательность. Воронки от взрывов, иные из которых скорее назовешь котлованом, саперы соединяли траншеями и превращали в блиндажи. На узком пятачке Малой земли были созданы три линии обороны, отстоявшие одна от другой на километр. Вдоль каждой – минные поля. Надежно действовали подземные линии связи. Командный пункт десанта, врезанный в скалу на глубине шести с половиной метров, мог скрытно, по ходам сообщения, перебрасывать войска туда, где создавалось угрожающее положение.

В районе Станички нейтральной полосы у нас фактически не было; противник находился в пятнадцати – двадцати метрах от наших позиций. Однако, приходя туда, я видел, что и на этом участке передний край – край постоянной тревоги и опасности – был густо заминирован и оплетен заграждениями. В ходе работ саперам приходилось иной раз вступать в рукопашные схватки.

Укрепленный плацдарм стал своеобразным городом-крепостью. Появились даже улицы – Госпитальная, Саперная, Пехотная, Матросская. На них не было ни одного дома, неизвестно, кто придумал эти названия, но случайными они не были. Скажем, Саперная – это овраг, защищенный от огня, а Госпитальная – бугристая местность, насквозь простреливаемая, откуда люди часто попадали в госпитали. Укрепления строились под огнем, не было ни механизмов, ни стройматериалов, но

зарывались наши умельцы с толком, обживали землю основательно, по-хозяйски – так, чтобы отсюда не уйти. Каждого, кто сооружал эту крепость, можно назвать героем.

С особой теплотой я вспоминаю немолодых саперов. Их не посылали ставить на виду у врага минные заграждения, «старички» занимались, казалось бы, самым мирным делом: в нескольких километрах от Геленджика, близ Джанхота, рубили лес, вязали его в плоты и по ночам доставляли на Малую землю. Но как доставляли! Темных ночей над Цемесской бухтой, как уже сказано, мы никогда не видели. По безоружным плотам начинала бить артиллерия. Ни ответить на огонь, ни маневрировать своим неповоротливым грузом саперы не могли. Они сползали в холодную воду и, держась за бревна, продолжали свой путь. Если в плот попадал снаряд, то на плаву они опять стягивали его, только бы не растерять драгоценный лес. Если тонул буксир, давали ракетами условный сигнал и ждали, пока подойдет какой-нибудь мотобот. Вот какими были эти «старички».

У читателя может создаться впечатление, будто тысячи людей на плацдарме жили только атаками, бомбежками, рукопашными схватками. Нет, за долгое время тут утвердилась жизнь, в которой было место всему, чем обычно живет человек. Читали и выпускали газеты, проводили партийные собрания, справляли праздники, слушали лекции. Затеяли даже шахматный турнир. Выступали армейский и флотский ансамбли песни и пляски, работали художники Б. Пророков, В. Цигаль, П. Кирпичев, создавшие большую галерею героев обороны.

Помню, приехала к нам бригада ЦК. Люди первый раз попали в наши условия и попросили меня познакомить их с бойцами Малой земли. Вышли в тот раз на торпедном катере. Как только двинулись, наши дали ракету. Это сигнал: свои или чужие. А немцы, когда мы подходили к месту, палили непрерывно. Орудия у них навесные, и потому важно было прижаться к берегу, пройти по краю. Снова взрывались снаряды, совсем близко от нас. Если не знать, что метят в тебя, красота необыкновенная. На плацдарме стояла похожая на Царь-колокол дальнобойная морская батарея. Ее малоземельцы превратили в командный пункт. Пришлось нам под обстрелом пробираться туда, я уж попривык, а для гостей впечатление было, думаю, сильное. Запомнился вынырнувший из темноты морячок, который нес какой-то груз.

– Помоги немного, братишка, – попросил он. – Для всех несу.

Когда теперь, треть века спустя, вспоминаешь о том, что выпало на долю бойцов, командиров, политработников нашей армии, даже не верится порой, что это все было, что это можно

было выдержать. Однако выдержали. Все выдержали, через все прошли и победили, разгромили фашистов.

В тот день, привезя на Малую землю свежих людей, которые приехали к нам из Москвы, я как бы и сам взглянул на привычное и знакомое другими глазами. Видел все это и раньше, а тут увидел – и постоянную смертельную опасность, и невыносимые трудности, и беззаветный героизм наших воинов.

Бывало, конечно, очень тяжело. Мы были отрезаны от Большой земли, у нас не хватало соли, случались перебои с хлебом. Целые подразделения посылали в лес собирать дикий чеснок. С другой стороны, было сыро в этих катакомбах, по ночам бойцы мерзли, и работникам политотдела пришлось заботиться об отоплении, заказывать буржуйки, собирать дрова. И все равно Малая земля оставалась советской землей, а люди оставались людьми. Они строили планы, шутили, смеялись, отмечали даже и дни рождения. Например, 15 февраля, то есть на одиннадцатый день после первой высадки, одному из десантников, Шалве Татарашвили, исполнилось 23 года. Его неразлучный друг Петр Верещагин подарил ему 23 патрона из своего диска. Это был самый дорогой подарок, потому что патронов не хватало, а ожидалась очередная атака врага.

Многое в этой жизни рядом со смертью было на первый взгляд несовместимо с войной. Как-то начальник политотдела 255-й бригады морской пехоты И. Дорофеев насчитал в бригаде пятнадцать депутатов городских, районных и сельских Советов. Решили созвать сессию. Какие же проблемы они могли решать? Да те же, что и в мирные дни: нужды населения, бытовое обслуживание. Первым был у них решен вопрос о строительстве бани. И построили! Как говорится, в нерабочее время соорудили отличную баньку. И меня как-то туда сводили. Парная хоть и небольшая, но пар держала хорошо.

Очень ценились на Малой земле находчивость, выдумка, остроумие. И людей, способных на это, было немало. Помню, как один расторопный парень, посланный по каким-то делам в Геленджик, обнаружил в горах бродячую бездомную корову. И решил доставить ее на Малую землю. Пригнал корову на пристань и просит командира бота принять ее на борт. Все вокруг смеются, но идею поддерживают: раненым будет молоко. Так невредимой и доставили. Поместили в надежное укрытие, молоко сдавали в госпиталь, находившийся в подвале бывшего винного совхоза.

Дело, однако, не в молоке. Корова приносила большую радость людям, особенно пришедшим на войну из села. После каждого артобстрела или бомбежки бойцы прибегали узнать, цела

ли буренка, не поранена ли, ласково поглаживали корову. Не просто объяснить все это, но появление сугубо мирного существа в обстановке огромного напряжения помогало людям поддерживать душевное равновесие. Напоминало: все радости к человеку вернутся, жизнь продолжается, надо только суметь отстоять эту жизнь.

Хороший подарок малоземельцам был преподнесен в честь 1 Мая 1943 года. Когда рассвело, люди ахнули и заулыбались от радости. Ночью в разных местах расположения бригады бойцы водрузили красные знамена. Утром их увидели все, в том числе, конечно, и немцы.

Я помню, какое потрясающее впечатление во времена черно-белого кино произвело появление на экране красного флага в кинофильме «Броненосец „Потемкин“. Здесь же, на Малой земле, изрытой бомбами и снарядами, усеянной осколками, прокопченной и окровавленной, в окружении врага, водруженные знамена буквально ошеломили. Гул восторженных голосов прокатился над этой истерзанной землей. Что-то очень дорогое лично каждому ощутили люди. После первого порыва волнения всех охватило веселье. Смеялись от радости, от сознания своей силы:

«Смотри, проклятый фашист! На-ка, выкуси!»

– 4 -

Апрельские бои, последовавшие за памятной переправой, когда мне пришлось искупаться в воде, были самыми жестокими на Малой земле. О них я сейчас расскажу.

Подготовленная фашистами операция «Нептун» должна была, по их замыслам, полностью покончить с нашим плацдармом. Специально для этого создавалась ударная группа войск Ветцеля численностью до 27 тысяч человек, действовать ей предстояло при поддержке 1200 самолетов, сотен орудий и минометов. Планировалась и операция с моря под не менее выразительным названием «Бокс». В группу «Бокс» были включены флотилии торпедных катеров и подводные лодки. На них возлагалась обязанность перерезать наши морские коммуникации и уничтожать советские войска после того, как они будут сброшены в море. Так это все им представлялось.

Бои на Малой земле, начавшиеся 17 апреля, развивались с нарастающей силой. Каждый день противник вводил пополнение. Рано утром начинали бить его тяжелые батареи. Одновременно в небе появлялись самолеты. Они буквально висели над нами, шли волнами по 40-60 машин, сбрасывая бомбы на всю глубину обороны и по всему фронту. Вслед за скоростными бомбардировщиками двигались пикирующие – тоже волнами, затем штурмовики. Все это длилось часами, после чего начинались атаки танков и пехоты.

Атаковали фашисты самоуверенно, считая, что в сплошном дыму, закрывшем Малую землю, ничего живого остаться уже не могло. Но их атаки наталкивались на яростное сопротивление, и они откатывались назад, оставляя сотни и сотни трупов. Тогда все начиналось сначала. Снова били тяжелые батареи, снова завывали пикировщики, свирепствовали штурмовики. Так повторялось по несколько раз в день.

Бомбардировочная и штурмовая авиация прикрывалась истребителями. В связи с большим превосходством противника в воздухе наши истребители хотя и наносили ему урон, но бомбовых ударов остановить не могли. Советские бомбардировщики над позициями врага не появлялись, что давало ему возможность производить перегруппировки и готовиться к атакам. Так продолжалось три дня, до 20 апреля. Это был срок, в который немецко-фашистское командование намечало окончательный разгром Малой земли.

Решив сбросить нас в море, Гитлер на этом участке фронта поставил на карту все. Создавалось тяжелое положение. Тогда

Военный совет 18-й армии, а практически я, написал письмо-обращение к малоземельцам. Оно пошло по окопам и блиндажам. Люди резали руку и расписывались на нем кровью. Один экземпляр я послал позже И. В. Сталину, чтобы он понял, как дерутся бойцы.

«Отвоеванный нами у врага клочок земли под городом Новороссийском,– говорилось в письме, – мы назвали „Малой землей“. Она хоть и мала, но она наша, советская, она полита нашим потом, нашей кровью, и мы ее никогда и никакому врагу не отдадим… Клянемся своими боевыми знаменами, именем наших жен и детей, именем нашей любимой Родины, клянемся выстоять в предстоящих схватках с врагом, перемолоть его силы и очистить Тамань от фашистских мерзавцев. Превратим Малую землю в большую могилу для гитлеровцев!»

В первый день фашистского наступления мы получили категорическое указание Ставки Верховного Главнокомандования любыми средствами удержать плацдарм. Видя в нем ключ к освобождению Таманского полуострова, Ставка придавала ему большое значение и внимательно следила за ходом боев.

18 апреля в штаб Северо-Кавказского фронта, которым командовал генерал-полковник И. Е. Петров, вылетела группа представителей Ставки во главе с маршалом Г. К. Жуковым. В тот же день вместе с наркомом Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецовым и командующим ВВС А. А. Новиковым они приехали в штаб 18-и десантной. Об этом мне сообщил один из штабных полковников, прибывших на Малую землю, и добавил:

– Маршал хотел вас видеть.

– Это что, приказ? – спросил я.

– Приказа такого от него я не получал,– ответил полковник.– Но он сказал, что хотел бы с вами поговорить.

Откровенно сказать, и мне хотелось поговорить: всех нас очень беспокоило превосходство противника в воздухе. Свою точку зрения на этот счет я еще в первый день немецких атак высказал нашему командующему Константину Николаевичу Леселидзе. Настойчиво просил поддержки авиации. Говорил об этом и с членом Военного совета Семеном Ефимовичем Колониным, к которому относился всегда с уважением. Оба были смелыми, принципиальными, опытными людьми, оба согласились со мной, и я посчитал, что Жукову о положении с авиацией они, конечно, доложат. Мне же лучше в тяжелый момент не покидать плацдарм. Так я и поступил: остался с бойцами на Малой земле.

Как писал потом в, своих мемуарах Г. К. Жуков: «Всех нас тогда беспокоил один вопрос, выдержат ли советские воины испытания, выпавшие на их долю в неравной борьбе с врагом,

который день и ночь наносил воздушные удары и вел артиллерийский обстрел по защитникам плацдарма». Далее маршал писал, что именно об этом он хотел знать мою точку зрения. Выдержат ли наши воины такой ад хотя бы еще день-два, потому что Ставка уже приняла серьезные меры, чтобы помочь нам.

И действительно через два дня картина резко изменилась. Один за другим прибыли три авиакорпуса из резерва Ставки. По мере подхода они вступали в бой. Прежде всего краснозвездные истребители закрыли небо над Малой землей. Густо обрушились бомбы на вражеские боевые порядки. Теперь бои шли при равных силах в воздухе, а затем превосходство перешло к нам, поскольку летчикам удалось разбомбить несколько аэродромов противника.

Трудно мне передать, что творилось в небе. Куда не глянешь, то в одиночку, то звеньями сходились в смертельных петлях наши и немецкие самолеты. Черные шлейфы сбитых машин, пересекая друг друга, тянулись к земле. За три дня боев наши летчики сбили над Малой землей 117 вражеских самолетов. Об этих яростных схватках подробно рассказал в своей книге их участник А. И. Покрышкин.

На нашем плацдарме решалась участь Новороссийска и Тамани, и немецко-фашистское командование бросало на передовую все новые и новые части. Восемь дней и ночей как в кошмаре бились малоземельцы, пока не иссякли силы врага, пока остатки вражеских сил не уползли на свои исходные позиции. Но кульминационный момент сражения наступил 20 апреля 1943 года, и, как ни странно, день этот связан для меня с одним забавным воспоминанием.

Был у нас начальником политотдела в 255-й бригаде морской пехоты М. К. Видов, воевал он умело, лихо, обладал большой силой воздействия на бойцов, а на упрек командира, чтобы зря не рисковал собой, отвечал: «Я комиссар, а не мокрая курица!» Так вот в ночь на 20-е Михаил Капитонович собрал политработников, подвел итоги боев, а потом спросил, знают ли они, почему так остервенело рвутся фашисты. Потому, ответил, что у них завтра именины фюрера. Хотят покончить с нами, чтобы поднести ему подарок. Хорошо бы, мол, и нам отметить эту дату.

Пока обсуждали разные предложения, тогда еще мало известный художник Борис Пророков набросал рисунок, всеми тут же одобренный. Ночью он изобразил на простыне свинообразное чудовище, убегающее с Кавказа. У свиньи были всем знакомые усики и челка – карикатура на Гитлера получилась отменная. Простыню укрепили на раму и установили на заранее пристрелянном месте нейтральной полосы, надежно закрепив

косяками.

Утром 20 апреля со всех окрестных гор, со всех своих позиций гитлеровцы увидели это поздравление. Как и предполагалось, стрелять в своего фюрера немцы не решались. Прошло немало времени, пока они, как видно, согласовывали, что им делать. Наконец к раме с трех сторон поползли фашисты. Но место-то пристрелянное: половина их полегла, остальные убрались восвояси. Так повторялось трижды за этот день, пока по «именинному подарку» не ударила их артиллерия.

– Так его! Бей его! – хохотали бойцы.

Смех – грозная сила, свидетельство оптимизма, признак душевного здоровья людей. После того, как была отбита атака на одном из участков, я шел по траншее с Дорофеевым. И опять рядом с огневой ячейкой мы услышали смех. Подошли: оказалось, там проводил беседу молоденький сержант-агитатор.

– Подводим итоги боя, товарищ полковник, – доложил он.

– И какие же итоги?

Сгрудившиеся вокруг пулемета бойцы стали сержанта подталкивать: расскажи, расскажи. Тот было смутился, но под напором товарищей осмелел:

– Гитлер хвастался, что сегодня сбросит нас в море. Нашей украинской байкой я и сказал, чего он добился. Пошел на охоту, убил медведя, ободрал лисицу, принес домой зайца, мать зарезала утку и сварила кисель. Попробовал, а он горький.

Вместе с солдатами я с удовольствием слушал веселого парня. Его немудреная байка, пожалуй, значила в тот момент больше и действовала крепче, чем самый серьезный разбор военных действий. Это было тем более важно, что день, повторяю, выдался самый тяжелый из всех пережитых нами на Малой земле.

Горела земля, дымились камни, плавился металл, рушился бетон, но люди, верные своей клятве, не попятились с этой земли. Роты сдерживали натиск батальонов, батальоны перемалывали полки. Накалялись стволы пулеметов, раненые, оттолкнув санитаров, бросались с гранатами на танки, в рукопашных схватках бились прикладами и ножами. И казалось, нет конца этой битве. Там, где все вокруг покрывалось трупами врага, появлялись новые цепи, их истребляли, но снова и снова возникали серо-зеленые силуэты. И неудивительно, что в одну на атак у бойца 8-й гвардейской стрелковой бригады вырвалось: «Да что они, из земли растут?»

У гитлеровцев было в тот день изрядное преимущество в силах, мы несли большие потери, и не раз у меня мелькала мысль: сколько же ляжет на этой земле наших ребят и сколько их не вернется домой. Вопрос о жалости на войне

– сложный вопрос. Война дело жестокое, и смерти на ней неизбежны. Тут пожалеешь кого-то, значит, посылай вместо него другого. Тут нравственное оправдание одно – быть вместе с бойцами в тяжелый момент, испытывать те же опасности. И делать все, что ты можешь сделать, чтобы уберечь их от излишнего риска, облегчить их невзгоды.

Среди сохранившихся документов военных лет есть директива, под которой стоит моя подпись. Она была послана всем политорганам, каждому политработнику позже, в конце 1943 года, в дни боев под Киевом. Но то, что написано здесь, было для меня главнейшим делом в течение всей войны:

«Постоянно проявляйте заботу о сбережении сил и здоровья бойцов. Бесперебойное обеспечение солдат горячей пищей и кипятком должно быть нерушимым правилом. Надо обеспечить строжайший контроль за тем, чтобы все, что государство отпускает для бойцов и офицеров, доходило бы до них полностью. Беспечных и бездеятельных в этом отношении людей нужно привлекать к суровой ответственности. Исключительное внимание должно быть уделено работе санитарных учреждений. Политотделам соединений надлежит выделить специальных работников, отвечающих за эвакуацию раненых с поля боя и оказание им своевременной медицинской помощи».

И сегодня, спустя многие годы после сражений, среди множества дел мы обязаны постоянно помнить о тех, кто прошел войну. Окружать их заботами и вниманием, помогать им в житейских дедах – это моральный долг органов власти, всех граждан, это закон нашей жизни.

– 5 -

Надо полагать, читатель ждет от меня рассказа о партийно-политической работе, но, в сущности, именно о ней я давно уже веду речь. Потому что стойкость воинов Малой земли была итогом этой работы. Потому что налаженный быт плацдарма, забота о сбережении сил и здоровья бойцов, присланные вовремя авиакорпуса, и веселые шутки в момент затишья, и беззаветная храбрость в атаках, и то, что люди до конца оставались людьми, – это все было следствием партийно-политической работы. Таким образом, выделить ее из общего повествования трудно, да, наверное, и не нужно.

Чем измерить, как оценить деятельность политического руководителя на фронте? Снайпер истребил десяток гитлеровцев – честь ему и слава. Рота отбила атаку, отстояла рубеж – честь и слава командиру роты и ее бойцам. Дивизия взломала оборону врага, освободила населенный пункт – имя командира отмечается в приказе Верховного Главнокомандующего. Но велика и заслуга политработника, который идейно вооружал бойцов, укреплял в них великое чувство любви к Родине, вселял веру в свои силы, вдохновлял на подвиг.

Настоящий политработник в армии – это тот человек, вокруг которого группируются люди, он доподлинно знает их настроения, нужды, надежды, мечты, он ведет их на самопожертвование, на подвиг. И если учесть, что боевой дух войск всегда признавался важнейшим фактором стойкости войск, то именно политработнику было доверено самое острое оружие в годы войны. Души и сердца воинов закалял он, без чего ни танки, ни пушки, ни самолеты победы нам бы не принесли.

Так было повсюду, а уж на трудных участках войны, таких, как Малая земля, значение этой работы трудно переоценить. Бойцам казалось в иные моменты, что они отрезаны от Большой земли, и надо было дать им понять, что отрезаны – это не значит отторгнуты, что отделены – это не значит забыты. Надо было показать, что война с фашизмом ведется на всех фронтах, что огромную помощь оказывает нам вся страна. Надо было связать воедино только что отбитую атаку с тем великим сражением, которое ведет весь советский народ.

Тут не громкие речи были нужны, да и залов не было для речей, а откровенный, мужской и, я бы сказал, душевный разговор. Я участвовал в большинстве партийных собраний, проводившихся в боевых соединениях и частях, да и просто часто общался с бойцами. Обычно мне удавалось найти с солдатами и

матросами общий язык, хотя каких-либо особых приемов я для этого не применял. Шла ли речь о серьезных делах или шутливая была беседа, старался вести себя просто, ровно. И говорил всегда правду, как бы ни была она горька. Замечу, что встречались среди офицеров такие, которые старались изобразить из себя этакого рубаху-парня. Бойцы, конечно, сразу чувствуют фальшь нарочитого панибратства, и тогда уж откровенности от них не жди.

Большинство наших политотдельцев, политруки, комсорги, агитаторы умели найти верный тон, пользовались авторитетом среди солдат, и важно было, что люди знали: в трудный момент тот, кто призывал их выстоять, будет рядом с ними, останется вместе с ними, пойдет с оружием в руках впереди них. Стало быть, главным нашим оружием было страстное партийное слово, подкрепленное делом – личным примером в бою. Вот почему политические работники стали душой Вооруженных Сил.

Разумеется, они участвовали в подготовке наступательных или оборонительных операций, без них не обходилась разработка планов военных действий. Я, например, не помню случая, чтобы генерал Леселидзе или другие командующие армиями, с которыми пришлось мне воевать, не учли моей точки зрения или поправок, порой весьма существенных. Но приказ на войне отдает командир, это его прерогатива, и хотя политработник тоже может приказывать, пользоваться этим правом он должен, на мой взгляд, только в исключительных случаях.

Приведу пример. Во время одного из партактивов, который мне пришлось проводить, люди сидели рядами на земле. В середине доклада где-то позади меня, не так уж далеко, разорвался немецкий снаряд. Мы слышали, как он летел. Дело привычное, я продолжал говорить, но минуты через две разорвался второй снаряд, уже впереди. Никто не тронулся с места, хотя народ был обстрелянный, понимавший, что нас взяли в артиллерийскую «вилку». Третий снаряд, как говорили на фронте, был наш. Вот тут я и отдал приказ:

– Встать! Влево к лощине триста метров бегом – марш!

Мы закончили работу в другом месте. Третий снаряд действительно разорвался на площадке, где мы до этого били. Возвращались оттуда с политруком В. Тихомировым молча.

– Никто не шевельнулся,– сказал он только. – Вот люди…

Об этом же думал и я. В подобных чрезвычайных случаях, будь то в бою или в затишье, политработник вправе и обязан приказывать. В повседневной же работе приказ для него должен быть исключен – только разъяснение и убеждение. Притом и эта работа должна вестись с умом и тактом. Если даже человек

ошибся, никто не вправе оскорбить его окриком. Мне глубоко отвратительна пусть не распространенная, но еще кое у кого сохранившаяся привычка повышать голос на людей. Ни хозяйственный, ни партийный руководитель не должен забывать, что его подчиненные – это подчиненные только по службе, что служат они не директору или заведующему, а делу партии и государства. И в этом отношении все равны. Те, кто позволяет себе отступать от этой незыблемой для нашего строя истины, безнадежно компрометируют себя, роняют свой авторитет. Да, совершивший проступок должен нести ответственность: партийную, административную, наконец, судебную – любую. Но ни в коей мере нельзя ущемлять самолюбие людей, унижать их достоинство.

Так я считаю сегодня, этому правилу следовал и в годы войны, в этом духе старался воспитать аппарат политотдела, которым мне довелось руководить. Не могу не сказать, что это был дружный коллектив боевых офицеров, прошедших школу партийной работы, обладавших и опытом, и знаниями, отличавшихся инициативой и личным мужеством, рисковавших жизнью в ходе боев там, где этого требовала обстановка. Не все они дожили до победы, но каждый с честью выполнил свой долг.

С добрым чувством вспоминаю этих людей. За время войны я вынес им немало благодарностей, подписал немало наградных листов, а взысканий, помнится, не объявлял ни разу. И не потому, что такой уж был «добренький», напротив, никаких поблажек я им не давал, даже если приходилось работать сутками. Просто я знал, что смело могу положиться на каждого, и они меня никогда не подводили. Чтобы читатель все же представил наших людей, назову хотя бы некоторых.

Одним из моих заместителей, начальником отделения пропаганды и агитации был С. С. Пахомов. Спокойный в любой обстановке, на первый взгляд даже медлительный, он превращался в сгусток энергии, проявляя решительность, когда это было нужно для дела. Он умел найти то единственное слово, которое именно в данный момент больше всего нужно бойцу. Поэтому чаще, чем других, я привлекал его к подготовке обращений Военного совета и других важнейших документов.

Лектором, пропагандистом был обаятельнейший майор А. А. Арзуманян, обладавший не только обширным кругозором, но и хорошим чувством юмора, которое лишним никогда не бывает. Уже тогда было видно, что человек это незаурядный. И меня не удивило, а обрадовало, когда после войны узнал, что Арзуманян стал академиком, а затем и членом президиума Академии наук СССР.

Хорошим пропагандистом, как и Арзуманян, был И. П. Щербак, еще до войны ставший кандидатом исторических наук. Глубокими знаниями обладал и Г. Н. Юркин. Кстати, на его примере можно судить о храбрости работников политотдела. Еще в ходе Новороссийской наступательной операции непосредственно на поле боя командующий Черноморским флотом наградил его орденом Боевого Красного Знамени. И уж если я так забежал вперед, добавлю, что за участие в ней столь же высоко была оценена роль всех работников политотдела 18-й армии.

Была у нас и своя армейская газета «Знамя Родины», которая оперативно откликалась на все события Малой земли. Ее ждали в окопах и траншеях, передавали из рук в руки. Мне не раз приходилось участвовать в редакционных летучках, беседовать с редактором В. И. Верховским и другими сотрудниками. Я привык уважать журналистов, потому что знал: во время боев они постоянно находились в войсках, ходили в десанты, участвовали в диверсионных группах, в захвате языков.

Аппарат газеты и ее авторский актив были сильными. Кроме штатных сотрудников, таких, как будущий Герой Советского Союза корреспондент «Правды» С. Борзенко, у нас выступали писатель Б. Горбатов, поэт П. Коган.

Приезжали к нам в армию и другие известные писатели.

Наконец, хочу сказать и о том, как важно было для солдат меткое слово, сказанное своим, доморощенным поэтом, или рисунок в скромном боевом листке. Потому что это слово, этот рисунок были обращены непосредственно к ним. Помню, рано на рассвете я возвращался с переднего края и увидел двух девушек. Они поднимались со стороны моря. Одна невысокая, ладно схваченная ремнем, рыжая-рыжая. Козырнули, и я проехал. Своему помощнику по комсомолу я дал обещание в пять часов принять людей в связи с утверждением их комсоргами на место убитых. И вот приходит как раз эта рыжая девушка со свертком бумаг.

– Вы откуда? – спрашиваю у нее.

– Из батальона моряков.

– Как они к вам относятся?

– Хорошо.

– Не обижают?

– Нет, что вы!

Оказалось, она рисует. Тут же развернула свои боевые листки. Как сейчас помню рисунок и надпись под ним:

«Что, Вася, тушуешься?»

На Малую землю эта девушка, Мария Педенко, попросилась

сама, была в десанте с первых дней высадки. Под огнем выносила раненых, а в минуты затишья пробегала от окопа к окопу с газетами, конвертами, бумагой, проводила беседы, читала стихи. Ее знали и любили все малоземельцы, считали одним из лучших агитаторов. Рукописная газета «Полундра» была придумана ею, она даже ухитрялась «издавать» ее в нескольких экземплярах, и бойцы зачитывали эти листки до дыр. Дружный хохот стоял всегда там, где их рассматривали и читали.

Позже, когда мы брали Новороссийск, Марию ранило, но, подлечившись, она снова ушла в боевые части. Ее героизм был отмечен тремя боевыми орденами. Затем она попросилась в Киев, когда там шли самые напряженные бои. Однажды мне попала на глаза в газете (в «Правде» или «Известиях» – не помню) ее статья «Любовь». Можно было подумать, что это какая-то сентиментальная вещь. Оказалось, нет. Речь шла о Родине, о любви к Родине.

Во имя Родины Мария Педенко не щадила ни своей юности, ни самой жизни. В дневнике, впоследствии опубликованном, она писала о Малой земле: «Вылезешь из подземелья поглядеть на белый свет, и сердце радуется. Так хочется жить. А вокруг поля вспаханы жестокой машиной войны. Всюду развалины домов и пятна порыжевшей крови на изуродованной, искромсанной земле. Не успеешь налюбоваться солнцем, как уже слышишь: „Воздух!“ И ты снова проваливаешься в свою пещеру, где обдает сыростью лицо, где в копоти гильзовых ламп еле узнаешь своих друзей».

Как и многие из героев, Мария не дожила до наших дней. Вспоминая этого прекрасного человека, я думаю о многих других дочерях нашей Родины, разделявших с мужчинами все тяготы войны. Для меня их образ стал олицетворением величия советской женщины.

– 6 -

Наступление… После апрельских боев этим словом жила вся армия от солдата до командующего. Много мы все хлебнули горя, когда оставляли врагу родные села и города, сильно ожесточились против захватчиков в долгие месяцы осады, и до предела накалилась священная жажда мести.

«Когда же?» – спрашивали бойцы, командиры, политработники, не добавляя слово «наступление», потому что и без того было ясно, о чем идет речь. На это можно было ответить только одним словом: «Скоро». День и план наступления держались в строжайшей тайне. Но то, что оно готовится, скрыть было невозможно, да и не надо было скрывать.

Обстановка для мощного удара складывалась самым благоприятным образом. На всех фронтах инициатива перешла в руки Красной Армии. Фашистское командование навсегда утратило преимущества, которые были созданы внезапностью нападения и превосходством в военной технике. В 1943 году героический тыл поставил фронту 24 тысячи танков и самоходных орудий, 35 тысяч самолетов, 130 тысяч пушек. Мы имели уже более совершенное оружие, чем враг, и в большем количестве. В итоге, выиграв летом сорок третьего ряд крупных сражений, наша армия продвинулась на запад в центральной части фронта на 300 километров, а у нас па юге – на 600 километров.

При каких обстоятельствах родилась идея штурма Новороссийска?

После Сталинградской битвы Гитлер почувствовал, что может попасть в еще большее серьезное окружение, и с особой силой вцепился в южный плацдарм. Он понимал: потеря Тамани неизбежно приведет к потере Крыма, поставит под угрозу его войска на Украине. Чтобы удержать Тамань, фашисты создали мощный оборонительный рубеж. Он шел от Черного до Азовского моря, состоял из двух полос, покрытых минными полями, противотанковыми заграждениями, завалами, дзотами и дотами, огневыми точками с броневыми колпаками.

Рядом с нами воевала армия А. А. Гречко, он первым ощутил ярость фашистского сопротивления. Возьмет одну сопку – остановка, возьмет еще одну – опять остановка. Помню, Леселидзе, Колонин, я и полковник Зарелуа лежали на бурке. Был момент отдыха, мы обсуждали сложившуюся обстановку, и Леселидзе сказал:

– Знаете что? Ключ ко взятию Тамани и Крыма не на этих

сопках, а во взятии Новороссийска. Давайте мы попросим Ставку дать нам 17-20 тысяч человек пополнения. Подготовимся и начнем штурм.

Так мы и сделали. Леселидзе позвонил в Москву, нашу инициативу одобрила Ставка, и дали нам дивизию Гладкова. Вот с этого и началось.

Новороссийск был у немцев главным узлом сопротивления. Кроме мощных укреплений вдоль линии фронта, они создали множество опорных пунктов в самом городе. Крупные жилые дома, заводы, элеватор, вокзал были насыщены огневыми средствами, целые кварталы пересекались ходами сообщения, улицы перегораживались баррикадами. Особенно сильно был укреплен порт.

Немецко-фашистское командование полагало, что хорошо знает тактику советских войск. Крупные узлы сопротивления в лоб мы не брали, а обходили. Следовательно, укрепляя Новороссийск, штурма в этом месте они все-таки не ждали. И просчитались. Особенность нашей тактики заключена была в ее гибкости. Одной из причин, побудивших нас осуществлять прорыв оборонительных рубежей врага именно в Новороссийске, был фактор внезапности.

18-я армия накопила к тому времени большой опыт десантных операций, и мы считали, что удар по городу можно нанести не с двух сторон, как предполагалось ранее, а с трех – с правого и левого берегов Цемесской бухты, то есть с Малой земли и со стороны цементных заводов, а также с моря крупным десантом, который явится полной неожиданностью для противника. Такой план и был принят.

Готовился еще один сюрприз. Крупный десант, естественно, должен производиться крупными кораблями, их-то очень внимательно и выслеживал враг. А десантировать войска мы решили на малых судах. Кроме того, готовились нанести торпедный удар по береговым укреплениям. Никогда раньше торпедами по берегу не били: она предназначены для морского боя и поражения судов. Для того чтобы торпеды сработали, как было задумано, катерникам пришлось достаточно потрудиться.

Разгаданный противником план, как известно, заранее наполовину обречен. Поэтому первой задачей стало строжайшее сохранение тайны. Мы запретили какую бы то ни было переписку, связанную с готовившейся операцией. К ее разработке привлекался до предела ограниченный круг людей. Началась тщательная разведка. Чтобы не раскрыть наших замыслов, она шла на широком фронте велась работа и по дезинформации противника, ряд умело выполненных мероприятий внушил ему,

что опять готовится десант в районе Южной Озерейки.

Партийно-политическому обеспечению операции мы придавали не меньшее значение, чем ее боевой подготовке. Решили к началу штурма во что бы то ни стало иметь во всех частях полнокровные партийные организации. Исходя из этого, направляли коммунистов на самые ответственные участки наступления. Особый подбор людей шел для десантных частей. В них насчитывалось 60-70 процентов коммунистов и комсомольцев.

Думал я и о наиболее разумной расстановке работников политотдела: каждый из них на весь период операции закреплялся за определенной воинской частью. Позже, встречая их в дивизиях и полках, я видел, что воевали они с огромным подъемом, заражая своим боевым духом других. Привлекли мы многих политработников и из резерва с тем, чтобы во время боев быстро заменять выбывших из строя. Парторги имели по два заместителя, комсорги – по три. Таким образом, мы добились, чтобы в составе всех подразделений постоянно были партийные и комсомольские вожаки.

Как выяснилось после освобождения Новороссийска, добрую службу сослужила разработанная нами «Памятка десантнику». В нескольких абзацах введения говорилось об успехах Красной Армии на всех фронтах, о зверствах гитлеровцев, о том, что пришел и наш час нанести сокрушительный удар по врагу, отомстить за все его злодеяния. Затем шли практические советы. Коротко напоминалось, как боец должен вести себя в момент посадки на судно, на самом судне, во время высадки и в бою. Мы стремились заранее научить людей, что делать в непредвиденных обстоятельствах. Памятку вручили каждому десантнику.

Идею памятки я заимствовал у бойцов Южного фронта времен гражданской войны, которой в то время очень интересовался и подчеркнул особо важные места В. И. Ленин. Впрочем, рядом ее положений, на которые обратил особое внимание Владимир Ильич, мы пользовались во всей партийно-политической работе. Вот для примера строчки из памятки:

«Товарищ коммунист!.. Ты должен в бой вступать первым, а выходить из боя последним. Ты призван на фронт воспитывать красноармейскую массу. Но во всякую минуту ты должен уметь взять в руки винтовку и личным примером показать, что коммунист умеет не только благородно жить, но и достойно умереть!»

Дни и ночи подготовки штурма вспоминаются мне как время самой напряженной работы, тяжелейшей нагрузки. Но как же это отличалось от дней и ночей осады на Малой земле! Работа не

тяготила, нагрузка радовала, каждая новая встреча с людьми придавала сил. В авангарде десанта вызвался идти отдельный батальон морской пехоты под командованием героев первой высадки на Малую землю В. А. Ботылева и его заместителя по политчасти Н. В. Старшинова. Этому батальону и был вручен флаг, чтобы водрузили его на первом отвоеванном у врага высоком здании Новороссийска. Как великую честь принял флаг старшина второй статьи молодой коммунист Владимир Сморжевский. Смелый разведчик, герой боев первого десанта, растроганный доверием, дал товарищам клятву:

«Не посрамлю морской чести!»

Наконец командующий армией К. Н. Леселидзе собрал командиров, которым предстояло вести войска на штурм, и объявил время «Ч» – час и минуту штурма в ночь с 9 на 10 сентября. Здесь окончательно уточнили задачу каждого. Затем, за полдня до начала операции, командующий Северо-Кавказским фронтом И. Е. Петров созвал расширенное совещание командного состава армии и флота, где каждый доложил о готовности.

Во всех стрелковых частях, в десантных отрядах и на судах за час до наступления были проведены митинги. Очень многое надо было сказать людям, а говорить до этого мы не могли. Значит, выбрать надо было самые нужные слова. Я был на многих митингах. Убедился, что приказ о штурме солдаты восприняли с огромным удовлетворением, я бы даже сказал, с радостью.

Пришло время, которого все мы ждали 225 дней и ночей. Наблюдательный пункт командующего был оборудован на Маркотхском хребте. Отсюда как на ладони видны Цемесская бухта, порт, значительная часть города.

Ночь. До начала операции есть еще время, но здесь уже много людей. Командующий армией, начальник штаба генерал Н. О. Павловский с группой штабных офицеров, командующий артиллерией генерал Г. С. Кариофилли со своими помощниками, командующие другими родами войск. Напряженная тишина, прерываемая телефонными звонками. Разведчики доложили: со стороны противника никакого движения не наблюдается. Время от времени слышался одиночный выстрел из орудия, разрывался где-то шальной снаряд – и опять тишина. Разговаривали почему-то тихо, чуть ли не шепотом. Офицеры и генералы то и дело посматривали на часы.

И вот время «Ч» – 2.44. Я знал, что в эту минуту ударят 800 орудийных стволов и 227 «катюш», поднимутся в воздух полторы сотни бомбардировщиков. Представлял, конечно, силу удара. Но то, что услышал, поразило меня. Показалось, будто рушится вся земля.

Артиллерийская подготовка длилась пятнадцать минут. За это время было выпущено 35 тысяч снарядов по заранее засеченным целям. Пошли в атаку морские пехотинцы и стрелковые части с Малой земли – не зря мы столько времени держали этот драгоценный клочок береговой полосы. С другой стороны началось наступление из района цементных заводов. Пошел в бой, как мы и намечали, морской десант.

Зарево пожаров, возникших в городе, озарило Цемесскую бухту. Я всматривался в темноту, в сторону Геленджика, но только близ порта увидел первую группу катеров-«прорывателей», пронесшихся с неуловимой скоростью и уничтоживших заграждения. Это произошло через шесть минут после начала артподготовки. Появился условный знак – «путь открыт». Через несколько минут на огромной скорости ворвались в бухту катера, ударившие по западному и восточному молам тяжелыми торпедами. Ошеломляющий удар, развороти вший береговые укрепления. Берег заволокло дымом, цементной пылью. Это прикрыло катера высадки от противника, и ровно через пятнадцать минут, то есть в момент окончания артподготовки, батальон Ботылева уже сражался на пристани. В течение получаса под жестоким огнем противника высадилось 800 человек, оснащенных станковыми пулеметами, минометами, противотанковыми ружьями.

Все смешалось в Цемесской бухте. С разных сторон неслись катера, вздыбливая на разворотах воду, и, казалось, вот-вот столкнутся. Однако все было подчинено точному расчету. Вслед за торпедными катерами шли канонерские лодки, сторожевые катера, сейнеры – каждое судно по своему маршруту. Одна за другой были атакованы пристани Лесная, Элеваторная, Нефтеналивная, Импортная. Огонь от взрывов и пожаров хорошо освещал бухту в районе порта. Вода в ней буквально кипела.

Почти одновременно с батальоном Ботылева, захватившим Лесную пристань, на Цементную пристань обрушился 1339-й стрелковый полк под командованием С. Н. Каданчика. И хотя всему полку не удалось высадиться, но те, кто зацепился за берег, в едином порыве бросались на вражеские укрепления. К утру они овладели сильным опорным пунктом – цементным заводом «Пролетарий». На следующую ночь к низу присоединились остальные подразделения полка.

На наблюдательном пункте не утихали телефонные звонки. Со всеми соединениями держалась надежная связь. С величественным спокойствием и твердостью руководили сражением талантливый командарм. В ходе боя оперативно перегруппировывал части, вводил резервы, перебрасывал

подкрепления туда, где создавалась угроза.

Ошеломленный в первые минуты враг пришел в себя. Заговорило огнем каждое здание, каждый квартал. Определив границы захваченного нами плацдарма, гитлеровцы открыли по нему артиллерийский огонь. Однако и наша артиллерия сопровождала наступающие части. Наши летчики так спланировали свои действия, чтобы без перерыва бомбить территорию, занятую противником. В небе все время были штурмовики – в день они совершали по шесть-семь вылетов.

На вторую ночь в район электростанции высадился 1337-й полк. С ним высадился и полковник В. А. Вруцкий командир 318-й стрелковой дивизии. Однако связь с ним нарушилась. По лицу командующего я видел, как он встревожен. Не рота, не батальон, а почти целая дивизия да еще выведенная на направление главного удара, не подавала вестей.

Леселидзе приказал послать ответственного офицера в район электростанции, найти Вруцкого, разобраться в обстановке и незамедлительно доложить. Я подумал и предложил командующему поручить это дело моему заместителю Пахомову. Командующий хорошо знал его и быстро согласился, но приказал начальнику оперативного отдела послать с ним из отдела капитана Пушицкого.

– Возьмите мой «виллис», – сказал он при этом.

Им предстояло пробраться в город через передний край миновав сильно обстреливаемую зону, найти Вруцкого опытным глазом все оценить, нанести на карту и как можно скорее возвратиться. К счастью, оба вернулись невредимыми, хотя машину командующего, оставленную им в районе завода «Октябрь», разбомбило. Преодолев множество препятствий, пробравшись по водосточной трубе, проложенной вдоль береговой кромки, они вышли на какую-то площадку, прямо против которой была электростанция, а справа длинное здание, откуда фашисты вели непрерывный огонь. До электростанции оставалось метров семьдесят, но путь туда шел только через открытую площадку или вдоль здания за кучами угля. Решение приняли быстро. Пушицкий ползет позади угольных холмов, а Пахомов бешеным рывком проносится через опасный участок. Как он потом всерьез уверял, лучший спринтер мира не догнал бы его. Несмотря на опасность, тем же путем они вернулись обратно и не с одной, а с двумя картами и донесениями, чтобы гарантировать доставку Военному совету армии данных об обстановке. Принесли они и печальную весть: полковник Вруцкий тяжело контужен, лишился глаза и ранен в руку. Тотчас были приняты меры по оказанию помощи частям дивизии, которые

медленно, но настойчиво продвигались вперед. Временное исполнение обязанностей командира дивизии возложили на начальника штаба.

На улицах шли бои. Одно за другим поступали сообщения: взят вокзал и там водружен морской флаг; взят «Серый особняк»; захвачен «Красный дом»; наши ворвались в школу; освобожден квартал 103… И каждое из них сопровождалось горькими вестями: убит начальник политотдела 318-й дивизии подполковник А. Тихоступ… убит инструктор политотдела армии майор П. Исаев… убит инспектор политотдела армии майор А. Цедрик… Незадолго до этого погиб М. Видов, позже под Анапой погиб начальник политотдела 83-й морской бригады И. Лукин.

Вспоминаю, мы вместе с ним зашли в один из румынских блиндажей, построенных на песчаном берегу. Было очень жарко, и Леселидзе, я, Зарелуа, Лукин хотели хоть немного укрыться в тени. Но в блиндаже слышно было какое-то шуршание, непрерывный стрекот, совсем негромкий. Я сказал:

– Это, видимо, часовой механизм. Наверное, подложили бомбу. Давайте выйдем отсюда.

И мы выбрались на воздух, отошли от блиндажа, раскинули бурку и легли. Лукин тоже лег, совсем близко от нас. Свистели отдельные бомбы, берег весь был в песчаных барханчиках. Когда грохот взрывов кончился, мы встали. Я позвал товарища:

– Лукин! Лукин!

Молчит. Подошли – он мертвый. Ни одной царапины, ничего. Убило воздушной волной.

Неправда, друг не умирает, Лишь рядом быть перестает.

Он кров с тобой не разделяет, Из фляги из твоей не пьет…

Хорошо сказал поэт. Разумом я все понимал: идет сражение и жертвы неизбежны. Но сердце не слушалось, щемило нестерпимой болью. Сам я писал письма вдовам, моя горсть земли лежит в могилах товарищей, огонь моего автомата звучал в залпе траурного салюта. Верные сыны партии, ее именем они звали бойцов на смертный бой. Призывали во имя Родины не щадить жизни. И в бою они первыми совершали то, к чему звали других, увлекая за собой бойцов. Они до конца выполнили ленинский наказ – личным примером доказали, что коммунист умеет не только благородно жить, но и достойно умереть.

– 7 -

Шесть дней и шесть ночей шли бой в Новороссийске. Не стану перечислять номера частей и соединений, не буду приводить цифры – штурм подробно отражен в военно-исторической литературе. Важно отметить другое: наступательный порыв, священная ярость воинов были так велики, что их уже ничто не могло удержать. Ежедневно и даже ежечасно мы были свидетелями ратных подвигов. Хотя бы об одном из них я должен рассказать.

Трижды рота морских пехотинцев безуспешно атаковала фашистские укрепления. Командир роты Иванов решил создать добровольную штурмовую группу для прорыва. В нее вошли одиннадцать человек во главе с парторгом роты Валлиулиным и еще четырьмя коммунистами. Решительным ударом они пробили оборону врага, и за ними ринулись бойцы. Однако в конце улицы фланговый огонь остановил их движение. Тогда Валлиулин сказал старшине Дьяченко: «Когда замолкнет пулемет, поднимай людей в атаку». И уполз. Перед самым окном подвала, откуда бил пулемет, его сразило. Но, окровавленный, он бросился на это окно. Рубеж был взят.

Салахутдина Валлиулина я хорошо знал по Малой земле, он был одним из лучших парторгов. Подписывая на него наградной лист, думал о природе таких подвигов. Бесспорно, человек знал, что идет на верную смерть. Но вряд ли говорил себе в этот момент: «Сейчас совершу подвиг». Нет, эта храбрость была не картинно-героическая, а немногословная, неброская, я бы даже сказал, скромная, какую особенно ценил, судя по роману «Война и мир», Л. Н. Толстой. И подвиг был в толстовском понимании этого слова: человек делает то, что должен он делать, несмотря ни на что.

Конечно, чувство страха перед смертью свойственно людям, это естественно. Но решение в критическую минуту приходило как бы само собой, подготовленное всей предыдущей жизнью. Значит, есть какой-то рубеж, какой-то миг, когда у воина-патриота сознание своего долга перед Родиной заглушает и чувство страха, и боль, и мысли о смерти. Значит, не безотчетное это действие – подвиг, а убежденность в правоте и величии дела, за которое человек сознательно отдает свою жизнь.

«Убеждение в справедливости войны, – писал В. И. Левин в годы гражданской войны,– сознание необходимости пожертвовать своей жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести… Это

объясняется тем, что каждый рабочий и крестьянин, взятый под ружье, знает, за что он идет, и сознательно проливает свою кровь во имя торжества справедливости и социализма».

Эти замечательные ленинские слова глубоко и точно раскрывают истоки нравственных сил народа, истоки бессмертного подвига нашего народа, который он совершили годы Великой Отечественной войны во имя торжества справедливости и социализма. 16 сентября Москва салютовала доблестным войскам Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота. Великое противостояние закончилось. На голом участке с маленьким поселком Станичка наши воины выдержали семимесячную осаду и победили. Гитлеровцы занимали большой город, превращенный в неприступную крепость, и мы вышибли их за шесть дней.

Родина высоко оценила беспримерную отвагу и доблесть освободителей города. Девятнадцати соединениям и частям было присвоено почетное наименование Новороссийских. Тысячи солдат и офицеров награждены орденами и медалями Советского Союза. Десятки воинов, совершивших выдающиеся подвиги, удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Новороссийский десант, в котором принимали участие все рода войск, был одним из крупнейших десантов Великой Отечественной войны.

Битва за Новороссийск вошла в историю минувшей войны как один из примеров несгибаемой воли советских людей к победе, ратной доблести и бесстрашия, беспрдельной преданности ленинской партии, социалистической Отчизне.

Приказ Верховного Главнокомандующего я слушал по радио в полуразрушенном помещении, где разместился горком партии. Митинг населения города мы не устраивали: населения не было. Потом пошли по улицам. И улиц не было. Развалины. Весь город – одни пепелища. В каком-то погребе нашли бабку с кошкой, а больше никого. Помню, там еще был элеватор, рядом клуб моряков. Накануне фашисты захватили наших, согнали в это место, облили керосином и сожгли. Страшное зрелище.

Работали саперы, обезвреживали и увозили тысяч мин, фугасов, неразорвавшихся бомб и снарядов. Срывал надписи: «Каждый житель, обнаруженный в городе, будет расстрелян на месте». Фашисты боялись наших людей… Перед клубом моряков было картофельное поле, тут я вышел вперед. Колонин мне говорит:

– Ты куда лезешь?

– Ты член Военного совета, – ответил я, – а я начальник политотдела. Я должен на два шага идти впереди.

После освобождения Новороссийска хотелось хоть немного отдышаться, но останавливаться мы не могли ни на час. Успешный штурм открыл возможность наступления по всему плацдарму. Немцы буквально бежали под натиском наших войск, мы взяли так называемые Чертовы ворота, и открылся путь на Анапу. Гитлеровское командование было вынуждено операцию «Кримгильда» (планомерную переброску войск с Таманского полуострова) заменить «Брунгильдой» (спешной эвакуацией). Но и эта мифическая дама им не помогла.

На рассвете мы мчались по дороге, и нам сообщили что впереди наша авиация штурмует немецкие части. Ехали в машине Колонин, Зарелуа, я и адъютант Кравчук. Видимо, выработалось уже чутье, которое возникает у людей под огнем, и я крикнул:

Ребята, сейчас будут нас бомбить, ложись!

Мы выскочили, легли у дороги и всетаки чуть не пострадали от своей же авиации. Но летчиков тут, пожалуй винить нельзя. Такой уж был наступательный порыв, так мы все рвались тогда вперед.

21 сентября 1943 года танковые и пехотные соединения нашей армии мощным ударом освободили город и порт Анапа – главный узел сопротивления врага на пути в Крым. Натиск был настолько стремительный, что оккупанты бросили все свое имущество, все награбленное добро и даже подготовленные к выходу в море 16 судов с нефтью.

Наступательный порыв наших войск возрастал с каждым днем. Энтузиазм в сочетании с опытом, обретенным в боях, был мощной, неодолимой силой. Однако ни в коем случае нельзя сказать, что успех давался легко. Нам противостояли ожесточенные, сильные, хорошо вооруженные гитлеровские части. Стремясь выиграть время, они тщательно укрепили свои последние рубежи на подступах к Крыму, с яростью обреченных цеплялись за каждый населенный пункт, за каждую высоту. И только в результате непрерывного натиска армий Северо-Кавказского фронта, кораблей, морской пехоты и авиации Черноморского флота и Азовской флотилии к 9 октября 1943 года Таманский полуостров был освобожден окончательно.

На берегу Керченского пролива мы увидели картину, потрясшую нас изуверством гитлеровцев. С группой командиров я смотрел на едва различимые в бинокль удаляющиеся транспортные суда противника. Мы хорошо видели, как пронеслись наперерез им наши бомбардировщики и истребители. Но, достигнув цели, самолеты разворачивались и уходили. Мы ничего не могли понять. Потом пилоты доложили: палубы судов были заполнены детьми и женщинами. Летчики не могли бросать

бомбы: загнанные на палубу силой оружия, люди служили прикрытием для фашистов, засевших в трюмах.

Впереди был Крым. Войскам зачитали приказ командующего Северо-Кавказским фронтом э 51 от 9 октября 1943 года.

«Славен и знаменит боевой путь войск 18-й армии, – говорилось в нем. – Героическими боями на Малой земле, Мысхако, в горах под Новороссийском, смелым и дерзким штурмом города и порта Новороссийск проложен путь славы 18-й, армии. Войска 18-й армии, овладев городами Анапа, Тамань, первыми выполнили боевую задачу по разгрому врага на Тамани».

В ночь на 1 ноября 1943 года в Керченский пролив вышли десантные суда с бойцами 318-й, теперь Новороссийской стрелковой дивизии. В сильный шторм, преодолев минированную тридцатикилометровую полосу моря под непрерывным артиллерийским огнем, они успешно высадились па крымском берегу в районе рыбацкого поселка Эльтиген близ Керчи.

Перед высадкой представитель Ставки маршал С. К. Тимошенко сказал, что успех десанта 318-й дивизии – залог освобождения Крыма. Как известно, его слова полностью оправдались.

Вот, собственно, и все, что связано для меня с понятием «Малая земля». Одна страница Великой Отечественной войны. Всего одна страница, но незабываемая.

По приказу Верховного Главнокомандующего мы грузились в эшелоны, направляясь в распоряжение 3-го Украинского фронта. После боев на Малой земле, после штурма Новороссийска это казалось нам едва ли не отдыхом. Но жизнь на войне переменчива, судьба сулил нам иное.

6 ноября 1943 года, освободив Киев, наши войска за десять дней продвинулись на запад на 150 километров, выбили противника из многих населенных пунктов, в том числе из Житомира и Фастова. Были перерезаны важные коммуникации, связывавшие группы армий «Центр» и «Юг». Опасность создавшегося положения для гитлеровских войск была очевидной. Немецко-фашистское командование, перебросив свежие силы из Франции, сосредоточило южнее Житомира и Фастова полтора десятка танковых, моторизованных и пехотных дивизий. Очевидным стал и гитлеровский план – нанести удар с юго-запада, ликвидировать наш плацдарм на правом берегу Днепра и вновь захватить Киев. Фашистам удалось осуществить прорыв и во второй раз овладеть Житомиром.

Закрыть этот прорыв, остановить движение противника и было приказано нашей 18-й армии, танковой армии Катукова и

другим соединениям. В пути мы повернули на 1-й Украинский фронт, которым командовал генерал Н. Ф. Ватутин. Враг к тому времени уже находился на 74-м километре Житомирского шоссе, по пути к столице Украины.

Эшелон, в котором находились Военный совет, штаб армии, политотдел, отправился первым. Вслед за ним шли эшелоны с соединениями и частями армии. Двигались быстро, останавливаясь лишь для смены паровозов. Ночью миновали станцию Баглей – это всего шесть километров от Днепродзержинска. Остановились на другой станции, тоже совсем близко. Вот я и вернулся в родные места.

Вышел из вагона, было ветрено, холодно, вокруг не видно ни зги. Я вглядывался в темноту, показалось, что пахнуло дымком родной «Дзержинки» – завода, где работал отец, где и я начинал, был кочегаром, потом инженером силового цеха. И так потянуло туда, захотелось заглянуть хотя бы на день, на час, на несколько минут. Накануне получил письмо от матери, она уже возвратилась из эвакуации. По письму чувствовалось, что пришлось ей пережить многое.

Но паровоз коротко гуднул, надо было прыгать в вагон, и домой я попал, увидел своих близких много позже, уже после войны…

– 8 -

Наш эшелон был разгружен на станции Гостомель. Штаб расположился в селе Колонщина.

Бывать там мне приходилось редко, все время ездил на ближайшие станции, помогал быстрее организовать выгрузку войск, и прежде всего артиллерии, чтобы рассредоточить ее в лесополосах вдоль шоссе Житомир – Киев.

Около часа ночи с 11 на 12 декабря мне позвонил заместитель начальника оперативного отдела штаба армии подполковник Н. А. Соловейкин: враг прорвался в районе деревни Ставище. Это всего в нескольких километрах от нас.

Связался с Леселидзе и Колониным. Командующий уже поднял стрелковый полк, уже шли к этому месту танки, однако прибудут они в район прорыва не раньше чем через час. До их подхода мы решили бросить туда почти весь офицерский состав штаба. Эта крайняя мера вызывалась тем, что ни при каких обстоятельствах нельзя было дать врагу перерезать и оседлать Киевское шоссе.

После звонка Соловейкина я сразу приказал поднять по тревоге офицеров политотдела. С командующим говорил минуты три всего и, когда опустил трубку, с удовлетворением увидел: человек тридцать с автоматами и гранатами были уже наготове. Распределили, кто куда едет.

Я взял с собой адъютанта И. Кравчука и одного автоматчика. Запасливый шофер успел положить в машину десятка три гранат. По всей улице гудели заведенные машины. Направились на КП ближайшего полка. Получив самые необходимые сведения, помчались дальше. В полутора километрах от передовой из-за сильного минометного огня вынуждены были машину оставить. Быстро пошли на звуки стрельбы и вскоре наткнулись на траншею. Стонали раненые, что-то выкрикивал молоденький лейтенант. Припадая к бруствeру, десятка два автоматчиков вели огонь. Короткими очередями бил станковый пулемет.

Раздался испуганный голос из темноты:

– Надо отходить!

Замолчи, трус! – крикнул лейтенант.

В тот момент я не знал, как сложилась здесь обстановка. Не знал, что эта вторая линия траншей после фашистской атаки превратилась в первую. Не знал, что враг решил не дать нам возможности закрепиться и уже атаковал снова. Понял я это, когда увидел, как под редким огнем пехотинцев перебежками надвигались фашисты, строча из автоматов и залегая, когда

начинал бить наш пулемет.

Успокоив лейтенанта, велел передать по цепи, что продержаться надо буквально минуты: на машинах послан сюда пехотный полк, на полной скорости идут танки. Побежал к бойцам обрадованный лейтенант, в другую сторону с той же вестью бросился Кравчук. Запомнилось, как он без конца повторял:

– Это комиссар, начальник политотдела!

Уже давно не существовал в нашей армии институт комиссаров, давно не слышали в войсках и самого слова комиссар, но Кравчуку оно в тот момент показалось наиболее подходящим.

За войну я не раз видел врага так близко, но этот ночной бой особенно врезался в память. При свете ракет гитлеровцы, прячась в складках местности, бросками перебегали от одного бугорка к другому. Они все ближе и ближе подходили к нам, сдерживал их главным образом наш пулемет. При новом броске он снова забил и вдруг умолк. Теперь стреляла только редкая цепь бойцов. Немцы уже не ложились – подбадривая себя криками и беспрерывным огнем, они в рост бежали к траншее. А наш пулемет молчал. Какой-то солдат оттаскивал в сторону убитого пулеметчика. Не теряя драгоценных секунд, я бросился к пулемету.

Весь мир для меня сузился тогда до узкой полоски земли, по которой бежали фашисты. Не помню, как долго все длилось. Только одна мысль владела всем существом: остановить! Кажется, я не слышал грохота боя, не слышал шума команд, раздававшихся рядом. Заметил лишь в какой-то момент, что падают и те враги, в которых я не целился: это вели огонь подоспевшие нам на выручку бойцы. Помню, моей руки коснулась рука одного из них:

Уступите место пулеметчику, товарищ полковник.

Я оглянулся: траншея вся была полна солдатами. Они занимали позиции – привычно, споро, деловито. И такими родными показались мне незнакомые эти люди, такими близкими! Конечно, мы остановили гитлеровцев, а вскоре, обрушившись на них мощной лавиной, советские войска освободили Житомир и продолжали наступление. О солдатском братстве, о боевой дружбе, царившей в нашей армии, о том, какими патриотами своих частей были бойцы, хочется сказать особо.

Любое сражение, каждый бой, где бы они ни происходили, это огонь, кровь, смерть. Тем не менее, когда думаешь о боях в различных районах от Днепропетровщины до Праги, невольно возникают в памяти картины, резко отличные одна от другой.

Барвенково-Лоэовская операция – и перед глазами люди, утопающие в снегах, сносимые ледяным ветром. Бои па Малой земле – кипящая от взрывов вода Цемесской бухты, где из стороны в сторону бросает суденышки, заполненные войсками. А Сухумское шоссе до самого побережья – это пыль. Она висела в воздухе, окутывала дома, орудия, машины, толстым слоем лежала на растениях, пригибая вниз ветки. Она просачивалась через голенища сапог до самых ступней, сквозь одежду – до голого тела. Мы глотали ее вместе с водой и пищей и просто в натуральном виде.

Вот по такой пыльной, раскаленной от солнца дороге, под вой снарядов ехал я в одну из дивизий, которая готовилась к бою. Машина попала в пробку, я вышел поискать объезд и увидел, как на обочине шумно спорили сержант и солдат. Выяснилась интересная история.

Солдат возвращался из госпиталя, имея направление в резервную часть. По пути умышленно отстал от группы, сбежал. Посланный за ним сержант догнал его в другой части, где он служил до ранения. Командир роты разобрался в конфликте и сказал своему бывшему бойцу: ничего не поделаешь, иди с сержантом. Они и пошли. А по дороге солдат взбунтовался: не пойду, и все, вернусь в свою часть.

– У него приказ в наш полк, – отвечая на мой вопрос, сказал сержант. – Он не выполнил приказа, нарушил присягу. Его бы судить надо, а он еще артачится.

– Нет, не нарушил, товарищ командир, – просяще заговорил боец. – Я ж не в тыл убежал, я ж в свою часть.

– А где она?

– Так в самом пекле, атаки фрицев ждет, а они, – он неприязненно кивнул на сержанта, – еще только чухаются.

Вдумайтесь. Человек на законном основании может не идти в бой. По крайней мере получил отсрочку, и еще неизвестно, когда придется идти. А он рвется в бой. Какие же выводы следуют из этого на первый взгляд частного факта? Солдат верит своим командирам и политическим руководителям, верит в своих товарищей, с которыми ему идти в разведку или в атаку. Иначе зачем бы ему стремиться в свою часть. Кроме того, он и сам вел себя в боях достойно. Трус искал бы другой части, шел бы туда, где нет свидетелей его малодушия. Нерадивый солдат, не любимый товарищами, тоже не станет рваться к ним.

Так, может быть, это особая рота, куда тянет людей? Нет. От края до края всего советско-германского фронта, во всех медсанбатах Вооруженных Сил СССР мы слышали: хочу в свою часть! Свою роту, полк, дивизию люди считали особыми, самыми

лучшими, в полном смысле слова родными. Выходит, из «особых» частей состояла вся наша армия.

Вспоминается другой факт, еще более разительный. Тоже шло наступление, войска грузились в эшелоны, а я решил заглянуть в госпиталь. В первой палате было человек тридцать, в основном ходячие. Я простился с ними, сказал, что мы идем дальше бить фашистов, пусть выздоравливают побыстрее и догоняют. Все заговорили разом: догонят обязательно. В следующей палате лежали тяжелораненые. Врач предупредил, что первый справа, лейтенант, обречен. Газовую гангрену уже не остановить. Я подошел к нему. Красивые вьющиеся черные волосы, черные брови, голубые глаза на смертельно горящем лице. Спросил, нет ли у него просьб или пожеланий.

– Есть, товарищ полковник, есть. Похлопочите, чтоб меня, если не помру, направили в свою часть.

Ответил ему не сразу. Сдержав волнение, сказал, что обязательно похлопочу, пусть не беспокоится. Спросил, в какой части он воевал, как был ранен. Уже попрощавшись, пошел было, но услышал:

– Выходит, не похлопочете, товарищ полковник?

– Как же, обязательно…

– Так вы же не записали моей фамилии.

И снова не мог ответить ему сразу. Выручила сестра.

– А вот я записываю, – показала она листок бумаги. – И фамилию, и звание, и номер части. Видите?

Я протянул руку за листком, на котором прочитал: «Пора уходить». Быстро пряча его в планшет, взглянул на лейтенанта. Он улыбался. Комок подступил к горлу. За время войны не раз я слышал эти слова: «Хочу в свою часть». Но никогда не забыть мне лейтенанта с его таким невоенным словом «похлопочите» и строптивого солдата на Сухумском шоссе.

Какие же это богатыри духа! Какая неброская, но неистребимая любовь к Родине, какая жажда защитить ее, нисколько не думая о собственной жизни. Потрясла даже не сама просьба солдата, а то, как он ее выражает. Не кичась своим геройством, а словно бы оправдываясь, прося о чем-то сугубо личном, частном, ему одному надобном.

Что мог я ответить солдату на обочине пыльной дороги? По всем уставам, по законам воинской дисциплины он был виновен. Не может на войне каждый сам себе выбирать место службы. Не может уволиться «по собственному желанию» и перейти на другое место. Следуя законам, я обязан был послать его для прохождения службы туда, куда он имел направление. Но я медлил.

– Что же с вами делать? – спросил солдата, действительно не зная, как поступить.

– Так отправьте в мою часть, товарищ командир. Мне же в партию вступать! Тот раз не успел оформиться, в госпиталь попал, теперь и заявление подал, так опять проклятый фриц зацепил. А у них, – снова кивнул на сержанта, – меня и не знает никто.

Эти слова решили мои последние сомнения. Попросил адъютанта записать его фамилию и номера обеих воинских частей. Солдату пообещал: не позже чем завтра будет приказ о его откомандировании. А сейчас надо идти с сержантом – нарушить приказ никто не имеет права. По приказу и вернется к своим. Солдат не мог скрыть, да и не скрывал своей радости. Подтянулся, выпрямился, лихо козырнул:

– Разрешите идти?

Снова и снова убеждаешься, как прав был В. И. Ленин, указывая на огромное значение связи с массами, общения с рабочими, крестьянами, солдатами. Сколько серьезных, масштабных выводов было сделано в результате встреч и бесед с бойцами на привале, на отдыхе, на боевых позициях. Так было и после той встречи в госпитале и случайной беседы с солдатом на Сухумском шоссе. Я, конечно, сдержал данное обещание. Но, кроме того, было принято решение: после выписки из госпиталей по мере возможности посылать людей в свои части.

11 февраля 1944 года был для меня горьким днем. Я отправлял в Москву тяжело больного командарма. Медики сказали: надежд немного. Спустя десять дней Константин Николаевич Леселидзе умер.

На фронте людей узнаешь очень быстро, там сразу видно, кто чего стоит. Леселидзе был одним из талантливых полководцев, олицетворявших лучшие черты советского человека. Суровый и беспощадный к врагам, добрый и мягкий с друзьями, человек чести, человек слова, человек острого ума, жизнелюбивый и храбрый – таким остался в памяти мой боевой друг и соратник Константин Леселидзе.

О дальнейшем можно много рассказывать, можно написать целую книгу, потому что тысячи километров дорог и долгие месяцы войны были еще впереди. Но сегодня мне одно хотелось бы подчеркнуть еще раз: память о Малой земле, закалка и опыт Малой земли сопутствовали мне и моим боевым друзьям до последнего выстрела. К порыву, отчаянной храбрости, патриотизму бойцов прибавились хладнокровие, зрелость, расчет, уменье воевать, и все это, вместе взятое, привело нас к победе.

С жестокими боями, освобождая села и города, прошли мы по

землям Киевской, Винницкой, Хмельницкой, Черновицкой, Львовской и других областей Украины и подступили к Карпатам. Тут, используя естественные преграды, фашисты построили мощную линию обороны «Арпад». Но не было уже преград, которых не могла бы преодолеть Советская Армия. Используя опыт боев в горах Кавказа, мы форсировали карпатские перевалы, взломали, казалось бы, неприступную линию вражеской обороны.

Теперь политработники поистине не знали ни дня, ни ночи. Шли бои, и ни на минуту не прекращалась партийно-политическая работа в войсках. Вместе с тем надо было помочь местным товарищам, коммунистам, вышедшим из подполья, налаживать новую жизнь. Одно за другим проходили крупные политические мероприятия: партийная конференция, профсоюзный съезд, молодежная, женская конференции. Атмосфера свободы пробудила к политической активности все население Закарпатской Украины.

Оно встречало нас как братьев-освободителей. Повсюду создавались Народные комитеты, готовился их первый съезд. Присутствуя затем на съезде, я видел, с каким огромным энтузиазмом было принято историческое решение о воссоединении Закарпатья с родным народом.

Трудно забыть ликование, с каким встретили наши войска народы Румынии, Венгрии, Польши, Чехословакии. В освобождении этих стран вместе с другими соединениями участвовала и славная 18-я десантная армия.

Вот где политическую работу невозможно было переоценить. Десятилетиями клеветали на нашу партию империалисты. Десятилетиями вдалбливались в головы народов чудовищные небылицы о нашей жизни, о наших людях. И вот советский человек пришел в Европу освободителем. Важно было ничем не уронить этой высокой гуманной миссии, и наши воины ее не уронили. Повсюду в них видели бескорыстных, полных благородства, гуманных и справедливых, опаленных войной людей.

В тяжелейшем 1941 году мы верили, что победа придет. Теперь мы знали: до нее остались считанные дни. Всем ходом событий мы были к ней подготовлены. И все-таки, когда она наконец наступила, радость оказалась ошеломляющей. Никто еще, по-моему, не выразил словом всей глубины этой радости. И я тоже бессилен рассказать обо всем, что переполнило наши сердца 9 мая 1945 года.

Скажу только: этот день стал счастливейшим днем в моей жизни.

Для нашей 18-й десантной армии последний день войны

наступил, правда, несколько позже – 12 мая. Уже был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, а мы еще добивали на территории Чехословакии остатки сопротивлявшегося врага.

Не забыть мне и великий акт торжества – парад на Красной площади в честь победы. С радостью и гордостью я прочитал приказ о том, что комиссаром сводного полка 4-го Украинского фронта назначается начальник политуправления фронта генерал Брежнев. Как дорогую реликвию храню и по сей день саблю, с которой шел на параде вместе с командованием во главе нашего сводного полка.

Так сбылась и моя мечта дойти до победы – это была мечта миллионов советских солдат, которые не только стояли насмерть, защищая свою землю, но и с честью пронесли Знамя Победы по трудным дорогам войны и водрузили его в Берлине над рейхстагом.

* * *

Наша победа – это высокий рубеж в истории человечества. Она показала величие нашей социалистической Родины, показала всесилие коммунистических идей, дала изумительные образцы самоотверженности и героизма – это все доподлинно так. Но пусть будет мир, потому что он очень нужен советским людям, да и всем честным людям земли.

До последнего дня мы хоронили верных товарищей, на всем пути видели следы фашистских зверств, встречали плачущих матерей, безутешных вдов, голодных сирот. И если бы спросили меня сегодня, какой главный вывод сделал я, пройдя войну от первого до последнего дня, я бы ответил: быть ее больше не должно. Быть войны не должно никогда.

Счастлив политик, счастлив государственный деятель, когда может всегда говорить то, что он действительно думает, делать то, что он действительно считает необходимым, добиваться того, во что он действительно верит. Когда мы выдвигали Программу мира, выступали на многих международных встречах с инициативами, направленными на устранение угрозы войны, то я делал то, добивался того, говорил о том, во что как коммунист глубоко и до конца верю.

Это, пожалуй, и есть главный вывод, который вынес я из опыта великой войны.

notes

Notes